

УДК 903.2

И.В. Шмидт

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
 пр. Мира, 55а, корп. 2, Омск, 640077, Россия
 E-mail: schmidt_irina@everymail.net

ОСОБЕННОСТИ «МАЛЬТИНСКОГО РЕАЛИЗМА». К ПРАКТИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ

В статье дается комплексная интерпретация части коллекции антропоморфной пластики палеолитического поселения Мальта. Акцентируется внимание на семиотическом объяснении небольшой группы костяных фигурок и их метрических показателях, отражающих т.н. младенческую диспропорцию тела. С привлечением результатов исследований смежных с археологией дисциплин (антропология и этнография) обозначена новая для палеоискусствоведения тема – изображение детей.

Ключевые слова: палеолитическое искусство, палеокультура, культура детства эпохи палеолита.

Введение

Если попытаться составить библиографическую справку о работах, посвященных палеолитическому поселению Мальта и находкам с данного памятника, то в руках у нас окажется увесистый том. Многое сказано и многое сделано. Очередное обращение к материалам Мальты видится целесообразным только в контексте герменевтической установки, утверждающей принципиальную неисчерпаемость содержания любого объекта исследования, в нашем случае изобразительного текста палеолита.

Антропоморфные фигурки из кости со стоянок Мальта и Буреть в Приангарье известны уже более полувека. Они поражают стилистическим своеобразием, а история исследований – многочисленными интерпретационными концепциями. Историографический анализ позволяет отметить активное использование отечественными исследователями метода этнографических параллелей, точнее метода иллюстративного сравнения [Шнирельман, 1984, с. 102]. Последний, безусловно, красочно демонстрирует потенциал археологического материала, но «опасен» при реконструк-

ции семантики древних предметов. В результате его применения костяные фигурки эпохи палеолита воспринимаются как владычицы стихий, повелительницы животного и природного мира, символы плодородия и всего остального, что только может быть связано со сферой активности зрелой женщины [Герасимов, 1931, с. 16; 1958; Иванов, 1934, 1936, с. 69; 1949, с. 210–212; Гущин, 1937, с. 107; Абрамова, 1962, с. 68; Токарев, 1961, с. 14–15; 1990, с. 555; Окладников, 1949, с. 116; 1967, с. 76–83; История Сибири..., 1968, с. 53; Хлобыстина, 1987, с. 98–99; Salmoni, 1931, S. 3; Drössler, 1967, S. 83; 1980, S. 167; Hančar, 1940, S. 149; Ozols, 1971, S. 40–41]. При многочисленности семантических тем, возможно, ярко раскрывающих суть символа, очевидно невнимание их авторов к знаковым характеристикам исследуемого объекта (мальтинского антропоморфного изображения): большинство не подходит для раскрытия символа по формальным признакам. Противоречия между образом и его интерпретацией не вызывают особых дискуссий, если специфика изображения (формы) находит «отзвук» в ключевой теме самой интерпретации. Так, пересмотр упомянутых семантических гипотез на материалах западно-

европейских коллекций антропоморфной пластики невозможен: тучные тела Венер непроизвольно поддерживают темы «плодородия», «хозяек-владычиц», «покровительниц». Но сибирские образцы демонстрируют нам совершенно иные формы. В данном случае мы, очевидно, сталкиваемся с концептуальным противоречием. Состоит оно в следующем. Согласно теории, палеолитические мастера испытывали особую тягу к реалистичной передаче объектов природной и социальной среды. Если, например, изображали мамонта или лошадь, то пропорции их тел были близки к реальным [Любин, 1990, 1991; Bosinski, 1989, S. 76], если изображали женщин, то их фигуры были узнаваемы, а специфика форм подчеркивала содержательные особенности («тучность» → «благосостояние»; «беременность» → «продолжение жизни», «генетический оптимизм»). Как бы сказали герменевтики, данные тексты однозначно читаемы, прозрачны.

Оставаясь в контексте рассуждений о приоритете реализма в изобразительном творчестве палеолита, обратимся к сибирскому материалу. Реализм мальтийских антропоморфных изображений неоднократно ставился под вопрос (преимущественно западными исследователями). Эти скульптурки называют предельно стилизованными, схематично и даже грубо выполненными [Hančar, 1940, S. 118; Bandi, Maringer, 1955, S. 30; Graziosi, 1956, S. 22, 43; Drößler, 1980, S. 35]. Однако обнаруженные в Мальте фигурки мамонта, лебедей, змей реалистичны настолько, что можно установить возраст, видовую принадлежность и даже сезонные особенности животных [Герасимов, 1931, с. 17, 24–25; 1958, с. 39; Hančar, 1940, S. 114]. Итак, реализм характерен для работ косторезов Мальты, но не для изображений человека.

Отечественными исследователями мальтийский реализм воспринимается как должное: в нем никто не сомневается, но лишь до момента метрического контроля пропорций фигурок. Такое исследование было проведено З.А. Абрамовой еще в 1960-х гг. (см. напр.: [1966, с. 12; 1987, с. 28–36]). Ею отмечено, что на всех без исключения изображениях голова по сравнению с туловищем непропорционально велика. Факт интересный, но он не стал поводом для переосмыслиния содержательности материала, уточнения его интерпретаций. Таким образом, проблема обусловленности образных и тематических границ «мальтийского реализма» остается открытой.

Цели и методы исследования

Предлагаемое исследование вряд ли разрешит когнитивный кризис, но шагом к его преодолению может стать усиление внимания к интерпретации деталей изображений: изменение восприятия частностей в

палеообразе позволит иначе взглянуть на его содержательность. Необходимо сосредоточиться на метрических особенностях антропоморфных изображений Мальты. Результаты промеров, сгруппированные в таблице, отчетлиwie обозначают метрическую гомогенность фигурок. В данном случае не требуется миллиметровая точность замеров, поэтому в качестве источника могут быть использованы иллюстрации, приведенные в труде З.А. Абрамовой [1962, с. 85]. Полученные в ходе исследования метрические характеристики и выявленные знаковые особенности образов применимы за показатели, важные для интерпретации. С учетом археологического контекста находок и данных смежных с археологией дисциплин попытаемся дать им возможное объяснение.

Коллекции Мальты и Бурети включают почти 40 антропоморфных изображений. К исследованию могут быть привлечены чуть более десяти, остальные неудовлетворительно сохранности или представлены фрагментами.

Обсуждение

Уже первые результаты показали наличие значительного количества дробных величин, которые удобнее свести к целым по принципу тяготения к большей условной единице (см. *таблицу*).

Как удалось установить в ходе анализа конкретных мальтийских фигурок, у большинства голова по отношению к телу составляет 1/4. Первый результат (предвосхищенный замечанием З.А. Абрамовой) – в мальтийской коллекции преобладают изображения большеголовых людей. В разряд фактов переведен и тезис о неоднородности единиц коллекции по метрическим показателям, что не только исключает формальную типологизацию, но и в условиях возведения полученных данных в статус знаковой характеристики образов не позволяет интерпретировать фигурки в рамках одной темы.

Для дальнейшего исследования может оказаться важной такая особенность изображений, как тщательно проработанные черты лица. Ее обсуждение началось с описания М.М. Герасимовым первой найденной им, не похожей на западно-европейские образцы, статуэтки: «Широкое овальное лицо с высоким выпуклым лбом украшено очень солидным, приплюснутым носом, с хорошо выраженным широкими ноздрями. Глаза слегка намечены выступанием надбровных дуг, рот отсутствует, подбородок выражен слабо. Весьма старательно отделаны волосы, они длинными волнистыми прядями ниспадают до плеч» [1931, с. 19]. В этом описании обращают на себя внимание замечания автора о стилистике и характерных деталях образа, возможно, в реальности присущих прототипу.

Результаты метрического анализа антропоморфных изображений Мальты и Бурети

Номер фигурки в работе З.А. Абрамовой [1962]	Номер таблицы с изображением в работе З.А. Абрамовой	Размеры головы по отношению к размерам тела	Место обнаружения
<i>Мальта</i>			
1	XLV, 1	1/5	–
2	XLIV, 5	1/5	Жилище
3	XLVII, 1	1/3	»
4	XLVII, 9	1/5	»
5	XLV, 2	1/4	»
6	XLV, 4	1/4	»
7	XLV, 3	1/4	»
8	XLV, 1	1/6	–
9	XLV, 5	1/5	Жилище
10	XLVII, 8	1/7	–
12	XLVIII, 1	1/4	–
13	XLVII, 2	1/4	–
14	XLVII, 3	1/4	–
20	XLVIII, 5	1/3	–
23	XLVI, 8	1/4	Жилище
24	XLVI, 6	1/4	»
25	XLVIII, 7	1/6	»
27	XLVIII, 8	1/6	»
28	XLVIII, 9	1/4	»
<i>Буреть</i>			
1	LVII, 1	1/6	Жилище
3	LVII, 2	1/4	–
4	LVII, 5	1/5	–

М.М. Герасимов заметил их в передаче именно черт лица. А.П. Окладников о том же сказал ярче: «Лицо (у первой обнаруженной им статуэтки. – И.Ш.) моделировано наиболее тщательно. Оно выпукло и объемно в основных своих деталях. Просто, но отчетливо переданы маленький выпуклый лоб, выдающиеся щеки и скулы, круглый и мягко очерченный подбородок. Рта не обозначено, но он “угадывается”, отсутствие его не бросается в глаза. Как бы расплывшийся, мягко очерченный “монгольский” нос резко ограничен снизу. Глаза переданы в виде узких миндалевидных углублений. Впечатление от них совершенно необычно: узкие и раскосые, они невольно вызывают в памяти черты лица, свойственные представителям монгольской расы» [1941, с. 105].

Г. Мюллер-Карпе, опираясь на это же описание, считает, что прототипом сибирских антропоморфных изображений выступали представительницы не монголоидной, а африканской расы [Müller-Karpe, 1998, S. 187–188]. Зарубежным исследователям, знакомым

с сибирским материалом только по каталогам, особенно интересны лица антропоморфных фигур. Некоторые из них даже видят отсутствующие в реальности детали, например рот [Hančar, 1940, S. 117; Bandi, Maringer, 1955, S. 30; Ozols, 1971, S. 36].

Продолжая исследование, еще раз отметим для себя следующее: ведется анализ группы изображений большеголовых людей, с не до конца проработанными, но реалистично переданными чертами лица. Принимая эти особенности за денотативные характеристики образов и переходя к их объяснению, важно помнить, что речь идет лишь о численно ограниченной группе сохранившихся антропоморфных фигурок. Это не позволит вывести интерпретационную гипотезу в их отношении на уровень общезначимых концепций, привлечь для пояснений общепринятые искусствоведческие и культурологические критерии.

Итак, пытаясь разобраться в особенностях «мальтийского реализма», не будем спешить с обвинениями мастера в невнимании к соблюдению пропорций –

изобразительный ансамбль памятника включает и идеальные с точки зрения палеореализма образцы. В данном случае нельзя исключать целенаправленного искажения в передаче некоторых деталей. Если художественная диспропорция неслучайна, то мысль о причинах ее существования можно развивать в нескольких направлениях. Предположим, что диспропорция тела как определенного рода феномен время от времени имела место в группах первобытных людей. Ее появление можно объяснить генетическим нарушением в развитии организма, например, макроцефалией. И история, и этнография располагают массой примеров, когда общества с большим вниманием относились к отклонениям в строении тела. Уверена, можно найти и изобразительные примеры их фиксации. По мнению некоторых специалистов, большеголовость могла быть не только частным случаем, но и нормой. Об этом напомнила вновь поднимающаяся дискуссия о *Homo capensis* [Lynch, Granger, 2008].

Обратим внимание на возможность фиксации косторезами Мальты онтологически обусловленной диспропорции человеческого тела. Начнем с краткой постнатальной справки. От момента рождения и до истечения первых полутора-двух лет жизни голова человека составляет 1/3 – 1/4 длины всего тела [Zimmer, 1996, S. 75]. Такие пропорции характерны и для мальтийско-буретских антропоморфных изображений. Оставаясь на позициях палеореализма, мы фиксируем необычный для палеоискусствоведения факт – наличие в палеолите изображений детей раннего возраста. Они редки, но, как считают некоторые исследователи, все же присутствуют. Например, глиняные скульптуры Павлова, не демонстрирующие характерные для тела взрослого человека признаки, Б. Климои были интерпретированы как изображения детей [Klima, 1989, S. 89]. Им же предложено необычное объяснение гравировок «танцующих людей» из Гённердорфа: фигуры, вероятно женщин, изображены с узлами за спиной, напоминающими африканские платки-повязки для ношения детей. Исследователь находит возможным воспринимать данные сюжеты как изображение матери с закрепленным на ее спине ребенком [Ibid. S. 77].

Правомерность предложенных интерпретаций подкрепляется этнографическими данными, иллюстрирующими непростые отношения между человеком, состоявшимся в культуре и «прибывшим» в нее. Материализованный знаково-символический мир детства велик, как и мир взрослых. Его функция заключается, с одной стороны, в защите новорожденного от всевозможных воздействий извне, с другой – в охране пространства от младенца.

В традиционных обществах и процесс рожде-
ния, и новорожденный нередко рассматриваются как нечто опасное, угрожающее гармонично существую-

щему порядку вещей [Ploss, Bartels, 1913, S. 10–13]. То, что произведено на свет женщиной, не является «готовым» человеком, а лишь может им стать при условии соблюдения некоторых правил. Но превращение не всегда завершается удачно. Умерший младенец, как и его люлька и послед, передаются миру духов. Тела выкинутой и «беззубых» замуровывают в дуплах деревьев, топят в болоте [Гемуев, 1980, с. 135; Головнев, 1995, с. 278, 506]*.

Младенцы опасны не только тем, что не являются «людьми», но и тем, что приносят с собою: они могут привлекать к себе силы, враждебные человеку. Преодоление опасной фазы развития ребенка продолжительно и предполагает соблюдение ряда предосторожностей. Для «безопасного» общения с младенцами имеются специально созданные «предметы-барьеры»: ножи для перерезания пуповины, сосуды для хранения последа, трубочки для обливания водой во время купания, люльки и др. [Ploss, Bartels, 1913, S. 410, 414; Abb. 564–565, 568–569].

Вышесказанное может поставить под вопрос расхожий тезис о внебытийности младенцев – от «никого» не защищаются всеми возможными способами; за ними ведется пристальное наблюдение. Любая реакция ребенка расценивается как знаковое явление. Интерпретация сигналов, подаваемых им, корректирует отношение к ребенку; его начинает «читать» культура, признавая своим или оставляя в группе чужих. Например, в племенах северной оконечности о-ва Слоновой Кости ребенок не является членом коллектива до тех пор, пока не протянет руку к общему котлу с «нормальной» пищей. С этого времени начинают отсчет его жизни, малышу дается имя. Приобщение ребенка к котлу происходит в два-три года [Hartge, 1983, S. 104]. В других обществах показательно-переломными считаются моменты, когда ребенок самостоятельно пошел [Schomerus-Gernböck, 1983, S. 186] или же у него появились зубы [Егорова, 2009, с. 60–62]. Примеров можно привести много, и все они демонстрируют развитие в маленьком существе «человеческого потенциала». Психофизические изменения становятся очевидными приблизительно к двум-трем годам. Маленького человека окончательно принимают в коллектив в ходе первых инициаций. Ему изменят или дополнят имя, о его существовании станет известно социуму (старейшинам, предкам и т.д.), в нем начнут видеть не только антропологическое соответствие образу человека, но и социальную сущность, представителя культуры. Интересно, что знаковое выражение «настоящего человека» идет прежде всего через рот: он

*Можно отметить, что подобное характерно не только для североазиатских, но и для южно-азиатских этносов [Bartels, 1893, S. 18–19].

приобщается к миру через рот – начинает есть нормальную пищу, у него появляются зубы, речью он демонстрирует богатство формирующегося собственного мира соплеменникам и родственникам. Значимость этой части организма прослеживается по неолитическим материалам: у керамических сосудов богато украшена зона венчика, к которому прикасаются губы. Декор защищает «границу миров» в том месте, где они, соприкасаясь, контактируют друг с другом. В результате контакта сосуд, образно выражаясь, «дарит» жизнь (либо нечто другое). Принятие дара ведется через рот, что подчеркивает специфичность ротовой полости [Этинген, 2006, с. 219–225]. По интуитивно понятным причинам малтийские фигурки, запечатлевшие диспропорцию младенческих тел, могли быть созданы без изображения рта. Они – воплощения «потенциальных людей», не говорящих, не контактирующих с миром, как это делает человек культурный.

Итак, появление детских изображений и их образные особенности могут найти объяснение в этнографических данных. Но мы работаем с археологическим материалом, особенность которого – отсутствие «панорамных» подробностей культуры. Возможно ли в данной ситуации рассуждать о детстве в эпоху палеолита? Мальта, на мой взгляд, один из немногих памятников, который позволяет это сделать.

Восприятие малтийских антропоморфных фигурок как изображений детей становится возможным благодаря другому «персонажу» образного ансамбля памятника – бескрылой, «ущербной» птице. В одном из предыдущих сообщений, посвященных орнитоморфным изображениям со стоянки [Шмидт, 2008], мной было указано на необходимость интерпретации именно образной пары (а не единичных образов) – птицы с обрезанными крыльями и антропоморфного изображения. По ряду признаков они семиотически тяготеют друг к другу: оба являются «маркерами» поселения; могли находиться в жилищах, за их пределами, в пространстве, огороженном каменными плитами; отверстия для привешивания расположены в нижней части статуэток; фигурки были оставлены на памятнике, покинутом группой людей, как предметы, очевидно, уже выполнившие свою роль. Таков археологический контекст, оказывающий влияние на интерпретацию необычных образов. Сама же связь антропо- и орнитоморфного изображений обладает особым характером. Попробуем его раскрыть.

Первое, о чем необходимо помнить, рассуждая о содержательности странной пары – уже не птицы и еще не человека: обе составляющие, каждая по-своему, указывают на «половинность», переходность, «превращение» одной формы в другую. Учитывая привязанность этих символов к друг другу и к миру людей, предположим, что их содержательность отве-

чала потребностям и устремлениям к определенной форме/содержанию самого человека. Возможно, эти предметы помогали превратиться «чему-то» в человека, маркировали последовательность его превращения из потустороннего существа в существо социальное; при этом они являлись одновременно магически сильными и полными изящества сопроводительными знаками «опасного» процесса.

Знаково-символическая сфера превращения-перехода, окружавшая маленькое существо, была нацелена на его удержание в мире «живых» и перерождение в полноценного члена коллектива. На этапе раннего детства люди похожи друг на друга; после рождения жизнь каждого развивается по одному из двух сценариев – выживание (жизнь) или ранняя смерть. Поэтому и окружающая их символика не может быть образно и семиотически разнообразной*. Все подчинено стремлению «недочеловека» к человеческой жизни. Ему было необходимо «получить» душу и найти силы противостоять всему, что несет смерть (в понимании данного явления социумом). Эта внехронологическая и внекультурная установка запечатлена в «мальтийском тексте». В последующие времена она повторялась в различных культурах, меняясь лишь некоторые детали и, возможно, характер их внутренней связи. Приведем несколько примеров из различных сфер – мифологической, этнографической, археологической.

Мифология. У различных народов существуют мифологические представления о душе-птице. Это и душа зародыша, иногда и душа ребенка до года. В момент «открытия миров» душа в виде птицы спускается на землю; миры открываются во времена прилета и отлета перелетных птиц** [Головнев, 1995, с. 315, 413, 506]. Попадая в женщину, эта сущность дает начало жизни ребенка. Если ребенок умирал до года, то его душа-птица возвращалась в мир нерожденных душ и через некоторое время могла вновь вселиться в мать (см.: [Мифы народов мира, 1997, с. 347]).

*Отметим, что в рамках одной культурной традиции знаково-символическая сфера будет обладать одним набором образов, в рамках другой – иным.

**Если человек умер или же родился в другой, не связанный с миграциями птиц период года, то проводы души или ее встреча переносятся на ближайший месяц передвижения птиц [Головнев, 1995, с. 353]. Таким образом, рождение не означает моментальное приобретение души, она может заставить себя ждать. Вероятно, долгие ожидания души могли быть нежелательными, и раз уж душами «занимались» птицы, то, возможно, с просьбами о подарке обращались и к неперелетным птицам. Это объяснило бы образно-видовое разнообразие коллекций орнитоморфных изображений эпохи палеолита Северной Азии. Но для утверждения данного положения нам не хватает фактов.

Этнография. Некоторые сюжеты из мира материальной культуры северных обществозвучны мифологическим текстам. «...Из шкурок чирка, размятых и вычищенных березовой стружкой, матери шьют сахи (теплые шубки) для своих детей...» [Головнев, 1995, с. 353]. В том, что ребенок носит одежду «из птицы» (она хорошо защищает и от холода, и от влаги), можно видеть не только элемент рациональной практики, но и символическое выражение тесной связи между птицей и ребенком. Очевидно, значимость их взаимоотношений уже предельно редуцирована и сводится лишь к экологическому удобству, но она не исчезла.

Ненцы, делая кукол для своих детей, использовали в качестве головы фигуру надклювие водоплавающей птицы с кусочком лобной шкурки. Голову кукол-«мужчин» изготавливали из клюва гуся, а кукол-«женщин» – из клюва утки. Куклы-«младенцы», которых укладывали в небольшую игрушечную колыбель, представляют собой небольшой тряпичный сверток или маленький сплененный кловик [Малыгина, 1988, с. 130]. Маленький ребенок, одетый в платье «из птицы», оказывается не только под ее защитой, но и может быть ею полностью заменен, стать ею самой в ином культурном измерении.

Археология. О некогда существовавшей тесной связи ребенка и птицы сообщают и археологические материалы. Например, в памятниках носителей катакомбной культуры эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья среди сопроводительного инвентаря погребенных детей (до 12–13 лет) обнаружены модели глиняных колыбелей. Они находились в окружении костей птиц [Kalmykov, 2007]. В некоторых захоронениях найдены антропоморфные фигуры, изготовленные из кости птицы и помещенные в глиняные колыбели. В ряде случаев кости птиц заменили антропоморфные изображения [Ibid. S. 132–133]. Упрощая сюжет погребальной практики, обратим внимание лишь на интересующий нас «текст»: кость птицы (птица); антропоморфная фигурка, нередко выполненная из кости птицы; колыбель, связывающая этих двух участников (птицу и изображение человека), и останки ребенка.

Различные эпохи, археологические культуры и культурные сферы, но неизменный в знаковом наборе «текст»: птица, антропоморфное изображение и ребенок. С учетом развития любой традиции допустимо предположить, что в палеолите «текст» обладал содержательными особенностями, но, безусловно, был связан с ребенком, обеспечивая («настраивая») его бытие.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что в эпоху верхнего палеолита в группах, населявших Приангарье, душа младенца изображалась в виде ее «приносителя-дарителя». Для того чтобы удержать этого «подвижного переносчика», совершался маги-

ческий акт* – он изображался с подрезанными крыльями или же бескрылым – с признаками «небесной природы», но лишенный свободы передвижения. Фигурка принадлежала конкретному младенцу и сопровождала его до определенного возраста либо до трагического стечения обстоятельств (смерти) на первом этапе его жизни, что, судя по археологическим и этнографическим источникам, не являлось редкостью [Hartge, 1983, S. 106; Бужилова, 2004а, б].

Сложно сказать, как долго человек оставался под « властью птицы». Возможно, это продолжалось до момента, когда «тело» начинало превращаться в «человека», параллельно приобретая навыки и характеристики, реакции и способности социальной единицы, определенными знаками (телесными или поведенческими) выдавая разрыв связи с другими мирами. В это время менялась и магически активная знаково-символическая среда**. Символ птицы уступал место символу, образно напоминавшему человека, но «недоделанного», «не до конца готового», – фигурке непропорционально сложенного человека без рта. Статус «человека» приносил с собой и независимость от мира унифицированных символов, сопровождавших одинаково опасные для всех первые переходные периоды. Но первичная символическая пара для каждого появившегося члена мальтинского коллектива была определена не его способностями и особенностями, а традициями группы.

Объяснимо и определенное сходство в pragmatike («судьбе») рассматриваемых нами изображений. Как было отмечено, фигурки постепенно теряли свою актуальность. Принадлежавшие пограничному миру (будучи его «стражами»), данные изображения были обречены в нем и остаться (или туда возвратиться): большинство изображений птиц вынесены за пределы мира людей, жилища; некоторые помещены в т.н. каменные ящики, напоминающие по конструкции единственное на поселении погребение***. Фигурки

*Понятие «магия» и производные от него предлагаю рассматривать в контексте работы М. Мосса [2000].

**«Одухотворенное тело» могло и не превратиться в «нормального» человека; этому препятствовали отклонения в анатомическом или интеллектуальном развитии, немота, глухота, слепота. В младенчестве эти недостатки могут остаться незамеченными, но позже они объясняются недостаточностью знаково-символической охранительной сферы, окружавшей ребенка.

***В данном случае погребальная конструкция, возможно, в уменьшенном «символичном» масштабе, могла служить или исполнять роль необходимого прохода в иной мир. Для того чтобы вернуться в привычную им среду, изделия-изображения должны были быть погребены. Уходили ли они с младенцами, которым принадлежали, или же могли обладать своим отдельным погребальным комплексом – судить сложно.

детей, напротив, чаще оставались в зоне жилищ, имея на то, вероятно, больше прав.

Место унифицированного символа занимал символ индивидуальный. Он ежеминутно презентировал владельца, следовал за ним. «Забытыми» оказались лишь символы «раннего перехода» – ввиду либо неактуальности, либо привязанности к владельцам, от тел которых не осталось следов. Учитывая преобладание символов «удержания души» и «раннего детства» на сибирских поселениях, можно предположить, что они так или иначе потеряли своих хозяев и оказались ненужными другим членам коллектива.

Критика выдвинутого предположения возможна, и она отчасти приведена в тексте статьи. Но в данном случае речь не шла о реконструкции некой культурной реальности палеолита. Сложно судить и о типичности выявленного – на других памятниках подобного символического «текста» (по ряду причин) может и не оказаться. В данной работе предпринята попытка объяснить сохранившиеся «текстуальные» явления, локализованные в пределах мальтинского археологического комплекса.

Вывод

На сибирском палеолитическом памятнике Мальта были обнаружены серийно представленные изображения птиц и людей. Эти изделия, по-видимому, принадлежали конкретным возрастным группам родовой организации: «бескрылый лебедь» – младенцам раннего возраста, фигурки, передающие младенческую диспропорцию тела, – детям постарше. Результаты проведенного исследования дают основания предположить, что эти предметы сопровождали и определенным образом способствовали «переходу» индивида из одного мира (возрастной категории) в другой, «удержанию» его души в мире людей, «охраняли» от суровых реалий повседневной жизни*. В связи с этим данные изображения могут быть условно назва-

*Под реалиями повседневной жизни в данном случае имеются в виду естественные и опасные ситуации, с которыми человек сталкивается ежеминутно. Разница в восприятии этих реалий культурно обусловлена. Например, больной в традиционном обществе – пассивный участник болезни, «потерпевший» от нападения заболевания. Знакомясь с литературой по данному вопросу, легко заметить, насколько окружавшая человека реальность и повседневность ранее были активными и нередко агрессивными по отношению к нему. Взрослый человек имел возможность справиться с данной «агgressivностью», придерживаясь правил поведения и культурных предписаний [Bartels, 1893, 361 S.]. Ребенок этого еще не мог сделать в силу очевидного незнания правил. Поэтому дети испытывали особую необходимость в оберегающей их жизнь символике.

ны магическими оберегами постнатального и раннего периодов жизни мальтина. С моментом его взросления они постепенно теряли свою актуальность и выпадали из образно-символической сферы взрослого человека.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с.; 63 табл. – (САИ; вып. А 4/3).
- Абрамова З.А.** Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.; Л.: Наука, 1966. – 221 с.
- Абрамова З.А.** О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28–36. – (Первобытое искусство).
- Бужилова А.П.** К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины: Современные методы исследований. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004а. – С. 21–35.
- Бужилова А.П.** Коллективные захоронения в палеолите. Анализ антропологических находок // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). – М.: ИА РАН, 2004б. – С. 123–134.
- Гемуев И.Н.** К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 86–138.
- Герасимов М.М.** Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.
- Герасимов М.М.** Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956–1957) // СЭ. – 1958. – № 3. – С. 28–53.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Гущин А.С.** Происхождение искусства. – М.: Наука, 1937. – 112 с.
- Егорова О.В.** Антропология детского тела: описание, функции, семантика (на примере чувашей Урало-Поволжья) // Вестн. Чуваш. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 58–63.
- Иванов С.В.** Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // СЭ. – 1934. – № 41. – С. 91–101.
- Иванов С.В.** Орнаментированные куклы ольчей // СЭ. – 1936. – № 6. – С. 50–69.
- Иванов С.В.** Человеческие фигурки в скульптуре алеутов // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. XII. – С. 195–212.
- История Сибири** с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
- Любин В.П.** Изображения мамонтов в Каповой пещере // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 56–64.
- Любин В.П.** Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. – 1991. – № 1. – С. 20–41.
- Малыгина А.А.** Куклы народов Сибири (по коллекциям МАЭ) // Сб. МАЭ. – 1988. – Т. XLII: Материальная и духовная культура народов Сибири. – С. 129–139.

- Мифы народов мира.** Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 2. – 719 с.
- Мосс М.** Социальные функции священного. Избранные произведения. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с.
- Окладников А.П.** Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 года) // МИА. – 1941. – № 2. – С. 104–108.
- Окладников А.П.** Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Российскому государству (тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете исторического факультета Ленинград. гос. ун-та в мае 1947 г.) // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIX. – С. 116–118.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
- Токарев С.А.** К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // СА. – 1961. – № 2. – С. 12–20.
- Токарев С.А.** Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Хлобыстина М.Д.** Говорящие камни: Сибирские мифы и археология. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.
- Шмидт И.В.** Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 109–114.
- Шнирельман В.А.** Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.
- Этнинген Л.Е.** Мифологическая анатомия. – М.: Ин-т общегум. исслед., 2006. – 528 с.
- Bandi H.-G., Maringer J.** Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktische Kunst. – Basel: Holbein Verlag, 1955. – 170 S.
- Bartels M.** Medizin der Naturvölker. Beiträge zur Urgeschichte der Medizin. – Leipzig: Th. Grieben's Verlag (L. Fernau), 1893. – 361 S.
- Bosinski G.** Gravierungen und figürliche Kunst im Paläolithikum // Religion und Kult. – Berlin: Akademie Verlag, 1989. – С. 73–80.
- Drössler R.** Die Venus der Eiszeit. Entdeckung und Erforschung altsteinzeitlicher Kunst. – Leipzig: Prisma Verlag, 1967. – 268 S.
- Drössler R.** Kunst der Eiszeit (von Spanien bis Siberien). – Leipzig: Koehler & Amelang, 1980. – 242 S.
- Graziosi P.** Die Kunst der Altsteinzeit. – Florenz: Sansoni, 1956. – 300 S.
- Hartge R.** Zur Geburtshilfe und Säuglingsfürsorge im Spiegel der Geschichte Afrikas // Gurare. – 1983. – S.-Bd. 1. – S. 95–106.
- Hančar F.** Zum Problem der Venusstatuetten im eurasischen Jungpaläolithikum // Prähistorische Zeitschrift. – 1940. – Bd. XXX/XXXI (1939–1940). – S. 85–156.
- Kalmykov A.A.** Tonmodelle von Wiegen aus mittelbronzezeitlichen Bestattungen im Egorlyk-Kalaussk-Zwischenstromgebiet // Eurasia Antiqua. – 2007. – Bd. 13. – S. 113–138.
- Klima B.** Figürliche Plastiken aus der paläolithischen Siedlung von Pavlov (ČSSR) // Religion und Kult. – Berlin: Akademie Verlag, 1989. – S. 81–90.
- Lynch G., Granger R.** Big Brain: The Origins and Future of Human Intelligence. – L.: Palgrave Macmillan, 2008. – 259 p.
- Müller-Karpe H.** Geschichte der Steinzeit. – Augsburg: Bechtemünz Verlag, 1998. – 393 S.
- Ozols J.** Zum Schamanismus der jungpaläolitischen Rentierjäger von Malta // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1971. – Bd. 12. – S. 27–49.
- Ploss H., Bartels M.** Das Weib in der Natur- und Völkerkunde. – Leipzig: Th. Grieben's Verlag (L. Fernau), 1913. – 904 S.
- Salmoni A.** Die Kunst des Aurignacian in Malta (Sizilien) // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. – 1931. – S. 1–6.
- Schomerus-Gernböck L.** Die traditionelle Geburtshilfe bei den Madagassen // Curare. – 1983. – S.-Bd. 1. – S. 181–190.
- Zimmer K.** Das Leben vor dem Leben. Die seelische und körperliche Entwicklung im Mutterleib. – München: Kösel Verlag, 1996. – 95 S.

Материал поступил в редакцию 22.09.08 г.